

ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА К ИСТОРИЧЕСКОМУ АРХИТЕКТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ И ГОРОДСКОМУ КОНТЕКСТУ

С.К. Басс

Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Самара, Россия

Аннотация

Архитектурные произведения советского авангарда 1920-1930-х годов в России стали частью историко-культурного наследия страны и мира и нуждаются в восстановительных мероприятиях. В то же время, общий дискурс самих авангардистов представляет собой отрицательное отношение к архитектурному наследию. В таком свете задача сохранения их произведений с философской точки зрения является не оправданной. Рассматриваются теоретические произведения и реализованные проекты ОСА, АСНОВА, К. Мельникова, МАО, Ленинградских и провинциальных группировок в целях изложения главных черт их отношения к архитектурному наследию и существующему городскому контексту. Отмечается широкий диапазон мнений – от пренебрежительной до более уважительной позиции – как внутри дискурса отдельных движений, так и между ними. Выделяется влияние существующего городского контекста на облик реализованных проектов. В заключение предполагается, что проект восстановления объектов наследия советского авангарда имеет теоретическое основание и должен более внимательно относиться к своему современному городскому контексту.

Ключевые слова: Советский авангард, конструктивизм (архитектура), рационализм (архитектура), архитектурное наследие, восстановление

SOVIET ARCHITECTURAL AVANT-GARDE ATTITUDES TOWARDS ARCHITECTURAL HERITAGE AND THE EXISTING CITY

S.C. Buss

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, Russia

Abstract

The architecture of the Soviet avant-garde in the 1920s and 1930s in Russia has become part of both Russian and global cultural heritage, but is in need of rehabilitation. At the same time, avant-garde discourse in general can appear hostile towards architectural heritage. In that light the task of restoring their works may be considered philosophically flawed. This article examines theoretical works and built projects by OSA, ASNOVA, K. Melnikov, MAO, and the Leningrad and provincial groups with the aim of eliciting the key features of their attitudes towards architectural heritage and the existing city context of their time. A wide range of positions from radical disregard to sensitive contextualism can be discerned both within the internal discourse of individual groups and between them. The influence of the existing city fabric on built projects can be observed. In conclusion it is suggested that the concern to rehabilitate soviet avant-garde architectural heritage is theoretically consistent and that such projects should have a complex relationship to their contemporary urban context.

Keywords: Soviet avant-garde, Constructivism (architecture), Rationalism (architecture), architectural heritage, restoration

«...революция, уничтожив косные предрассудки и отжившие каноны, превратила трещинку в пропасть... По эту сторону открывается новый путь... новые просторы...»

(М. Гинзбург, 1926) [10]

«How then should we react to the buildings of a recent past, to these exponents of a new tradition the declared intention of which was to break with all previous traditions and to start all over again? ... now the issue is rather how to deal with a modernity that has implemented itself»¹. (H. Heynen, 1998) [1]

Зданиям, построенным в России в эпоху советского архитектурного авангарда (с 1917 по 1934 гг.) [16], приблизительно 90 лет. С 1987 года идет процесс признания ключевых объектов данного периода как памятников архитектуры [20]. В большей или меньшей степени эти объекты нуждаются в физических восстановительных мерах. Сверх того, некоторые объекты утратили свои первоначальные функции в результате произошедших резких социальных и экономических перемен в стране, что побуждает вести активные поиски различных вариантов их приспособления к новым функциям.

Когда речь идет не об очередном ремонте, но о комплексной реставрации, реконструкции или приспособлении объектов советских авангардистов, возникают проблемы не только технического, но и философского характера. Принимая во внимание общие цели авангардистов, кажется, что попытки реставрации и приспособления их объектов несовместимы с их убеждениями – отречение от архитектурной традиции недавней истории и стремление через новую архитектуру к светлому будущему. Разумно было бы предполагать, что архитекторы авангарда на востоке и на западе сами по себе вряд ли поддержали бы не слишком благоговейный подход к своим стареющим зданиям [5].

Задача данной статьи заключается в исследовании отношения представителей архитектуры советского авангарда к историко-архитектурному наследию и существующей городской ткани. Это касается ведущих творческих группировок – ОСА, АСНОВА, МАО, представителей индустриальной архитектуры, ведущих архитекторов Москвы, Петроградско-Ленинградской школы и других зодчих. Выяснив особенности ситуации, предполагается найти основания для определения градостроительной и архитектурной роли зданий наследия советского авангарда в современном постсоветском контексте.

Предпосылки: «Пролетарская культура» и наследие

«Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (В. И. Ленин, 1920 г.)².

«Самостоятельность пролетарского творчества выражается в оригинальности отнюдь не искусственной и предполагает ознакомление со всеми плодами предыдущей культуры» (А.В. Луначарский, 1918 г.)³.

Архитектурная деятельность раннего советского периода тесно связана с радикальными политическими переменами в стране, ориентировавшими архитекторов на строительство нового быта. Их творчество пропитано новым социально-экономическим подходом, который стоит за инновационными градостроительными решениями и архитектурными

¹ «Как мы должны реагировать на здания недавнего прошлого? Как мы должны относиться к исполнителям новой традиции, традиции, которая была намерена порывать со всеми предыдущими традициями, чтобы начать все заново?... осуществлялся проект модернизма и теперь нам придется с ним разбираться» (перевод автора).

² Ленин В.И. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 Октября 1920 г. под ред. И.М.-Л. при Ц. КПСС, Политиздат, 1985. 298–318 с.

³ Луначарский А.В. «Пролетариат и искусство»: тезисы доклада для Первой Всероссийской конференции Пролеткультуры, 1918 г. М, 1967.

типологиями. По словам А. Гана: «Методология конструктивизма неразрывно связана с пролетарской революцией и с социалистическим строительством советского строя» [9]. Это один из факторов, который отличал представителей отечественного авангарда от западного [6].

Новый советский быт сформировался не в вакууме, а в сложном контексте многовекового культурного наследия Руси, что привлекало к бурной дискуссии ведущих деятелей не только творческой сферы, но и политической. Если А.В. Луначарский предполагал в своих тезисах для Пролеткульта в 1918 году, что новая культура (в том числе архитектурная деятельность) должна исходить из богатства знания, накапливаемого веками, то его современник А.А. Богданов-Малиновский постулировал наоборот о том, что новое пролетарское творчество основывается на совершенно новом роде мышления, некоем «монизме» физических и духовных видов труда, которое не имеет никакого отношения к предыдущей культуре [4].

В.И. Ленин называл подход Богданова «сплошным вздором» в своей речи на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года, сам подчеркивая принцип, выраженный Луначарским, о том, что «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало...». Злосчастный вектор Богданова как политика известен, но его мышление о культурной деятельности пережило его ярче всего на примере движения конструктивизма до начала 1930-х годов, в котором историческое культурное наследие исчезло в темноте. В 1932 году влияние Луначарского окончательно стало доминирующим, что показывает история конкурса на проектирование Дома Советов и постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» [3]. В результате, статус архитектурного наследия кардинально изменился: оно вышло с заднего плана и стало контрольной точкой для архитекторов, которые были призваны руководством страны обратиться к стилям.

Конструктивизм и архитектурное наследие

Ведущие представители архитектурного движения конструктивизма в принципе относились к прошлому, как к чужому миру [10]. Главное направление их стремления было не назад, а вперед, к новым просторам на этой «стороне пропасти»: «Конструктивист работает сегодня для завтрашнего дня» [12]. На той стороне пропасти – мастера отживших эпох со своими произведениями, придуманными в своем контексте, на этой стороне – совершенно другие условия, в которых современные мастера направляют свою энергию на строительство нового социалистического быта. В результате они поддерживали новую методику проектирования, исходя из своих задач – «функционального творчества» [10], для реализации новых «социальных конденсаторов» [12]. Эти новые решения должны были быть реализованы «не в тесных рамках скученного и случайно планированного города, а обратно» [10]. В подобном свете, размышления таких ключевых фигур западного дискурса как Уильям Моррис, Джон Рескин или Алоиз Ригль, в конце XIX века о ценностях стареющих объектов и городов, и сложные вопросы о влиянии таких качеств на эмоции и опыт человека – кажется весьма эзотерическим, относящимся несомненно к старому мышлению «по ту сторону пропасти».

В целом можно назвать отношение конструктивистов к архитектурному наследию равнодушным, за исключением Эклектизма. Он стал предметом язвительной критики в ранних выпусках журнала «Современная архитектура» как неуместное явление дореволюционной культуры в современной деятельности: «Растут и крепнут новые методы работы... Но рядом с ними доживают бранные остатки дореволюционного эклектизма» [8]. По их мнению, в нем проявлялись историческое мышление и анахроничные мотивы, которые определялись как абстрактные. Итак, ОСА заявили о необходимости «уничтожить абстрактные формы и старые виды искусства» [12]. Движение считалось вредным, потому что увело архитектора от специфики своей эпохи к неким иллюзорным универсальным решениям путем историзма. Поэтому, на весенней

конференции ОСА в 1928 году, одной из трех основных целей была объявлена «разработка методов борьбы со старой архитектурой» [21].

Двойное отношение конструктивистов к архитектурному наследию – о нейтральном отношении к архитектуре прошлого, с одной стороны, и о вреде эклектизма, с другой стороны – продемонстрировано в критике А.А. Веснина и М.Я. Гинзбурга двух проектов И.В. Жолтовского. Первый пример – дореволюционный объект особняк Тарасова (арх. И.В. Жолтовский, 1912) в Москве помещается на страницах СА рядом с фотографией палатцо Тьене в Виченце (арх. А. Палладио, 1556), чтобы наглядно продемонстрировать сходство: «Это не плагиат, в котором мы хотим уличать...(а) сознательная пересадка одного художественного явления, отделенного веками и созданного одной эпохой, в другие условия и времена» [8]. Второй пример – нереализованный проект Дома Советов в г. Махач-Кале называется «вермишель из упомянутой виллы Капрарола (арх. Д. Виньола, 1547-59) и элементов «восточной» архитектуры стиля Московских сандуновских бань» [8].

Заметно как после 1932 года ведущим представителям конструктивизма пришлось все больше и больше участвовать в дискурсе об архитектурном наследии. Например, А.А. Веснин, выступая на дискуссии в Союзе советских архитекторов на тему: «Творческие задачи советской архитектуры и проблема архитектурного наследия» в 1933 году, выразил четкую позицию о том, что задача исследования истории архитектуры заключается прежде всего в познании «сущности архитектуры» через тщательный анализ организации жизненных процессов, архитектоники формы и содержания. Объекты мастеров прошлого, таким образом, познаются через призму их функциональных программ; естественно, правильный вывод заключается не в «эклектическом использовании старых приемов», а в «изыскании новых форм, с новым содержанием»⁴. Ценность накапливаемого опыта человечества применяется не в имитации результатов труда мастеров прошлого (в стилях), а в усвоении сути задачи архитектора на их примере.

Что касается подхода конструктивистов к конкретным историческим объектам на практике, всего лишь два примера были представлены в журнале «Современная архитектура», в которых обсуждалась переработка уже существующего здания: переустройство церкви Путиловского завода в Ленинграде (арх. В.А. Косяков, 1901-1906) под клуб «Красный путиловец» (арх. А. Никольский, 1926-1927, в «СА» № 5-6, 1926), и надстрой и перестройку этажей и фасадов здания акционерного общества «Экспортхлеб» (арх. С.И. Чернышев, 1925-1926, в «СА» № 1, 1927). В этих примерах речь не шла о сохранении неких исторических элементов, либо о научной реставрации объекта в целом, а о радикальной реконструкции, включая уничтожение всего «лишнего»: «...перестройка старого дома [«Экспортхлеб»] выполнена удачно. Уничтожены все существовавшие декоративные элементы (карнизы, сандрики, сухарики и проч.). Рационально оформлен фасад, просто и хорошо сделаны оконные проемы и переплеты». Вероятно, неслучайно сложилось так, что оба примера радикального преобразования являются относительно новыми зданиями и, самое главное, запроектированы в стиле эклектизма. Каким бы нейтральным ни было отношение к архитектуре мастеров прошлого в целом, конструктивисты позволяли себе такие иконоборческие действия в отношении определенной части наследия с целью корректировки кажущейся ошибки.

«Хаос» и «теснота» существующей городской ткани Москвы неизбежно стали контекстом большинства творческих решений конструктивистов. Примеров нового градостроительства, таких как Магнитогорск, относительно мало. Не смотря на это, в плане теории их объекты оказались чаще всего чужими объектами, выполненными как будто на чистом листе, что доказывает мнение Хан-Магомедова, который называл влияние Ле Корбюзье на работы ОСА «мощным...как некое поветрие» [18]. В своих эскизах и комментариях город либо вообще отсутствует, как например, в проекте здания

⁴ Веснин А.А. Выступление на дискуссии в союзе советских архитекторов на тему «Творческие задачи советской архитектуры и проблема архитектурного наследия». 1933 г. [22]

торгового дома «Аркус» в Москве, представленном в первом номере «Современная архитектура» в 1926 г. (арх. братья Веснины, 1924), либо служит всего лишь фоном для яркого контраста. Любопытно, что, тем не менее, реализованные проекты конструктивистов не обязательно являются чуждыми или грубыми по отношению к городскому контексту, а, наоборот, органично вписываются в него, как, например, жилой дом Госстраха (арх. Гинзбург, 1926-27) или Клуб им. Зуева (арх. Голосов, 1927-29).

Исключительным случаем сознательного обращения к контексту в теории является любопытное размышление Гинзбурга о теме национальной архитектуры народов СССР. В комментарии к своему проекту правительственного Дома советов Дагестанской ССР (1926) автор призывает коллег обратить внимание на специфику исторически сложившегося юго-восточного контекста. По мнению Гинзбурга, суть «национальной» архитектуры – не в «мертвой» монументальности, а в учете «живых» функциональных предпосылок бытового и климатического характера. Соответственно, в аксонометрии проекта показан не только новый объект, но и окружающая среда [11]. Тем не менее, трудно найти подобный подход в работах конструктивистов в отношении к российскому контексту.

Рационализм и архитектурное наследие

«АСНОВА...считает...наиболее важным установление обобщающих принципов в архитектуре и освобождение ее от атрофирующихся форм» («Известия АСНОВА» 1926) [14].

Ведущие представители рационализма в Москве, объединившиеся в группировку Ассоциация Новых Архитекторов (АСНОВА), относились к мышлению эклектизма с подозрением, похожем на группу ОСА. Однако, их отношение к архитектурному наследию в целом можно назвать более сложным. Публикация «Известия АСНОВА» (ред. Л. Лисицкий, Н. Ладовский, 1926) отличается от позиции журнала «Современная архитектура» (ред. А.А. Веснин, М.Я. Гинзбург, 1926-30) тем, что мастера прошлого не только упоминаются косвенно, но их творческое мышление применяется к решению современных задач. К примеру, рассуждая о проблеме выразительности фасадов новых небоскребов в СССР и в Штатах, он ссылается на палаццо Вальмарана архитектора Палладио как «убедительный пример» [14].

Более того, АСНОВА приняла участие в обсуждении вопросов состояния существующей городской ткани столицы. Редакция относилась к старой улице как к городскому ансамблю и выступила в пользу охраны памятников архитектуры, не различая их по достоинству с точки зрения своей позиции: «Сооружения, облицованные дорогими материалами или имитирующими их, а также имеющие археологическое значение и находящиеся под охраной комиссии по сохранению памятников старины, могут остаться неприкосновенными» [14].

Суть подхода рационалистов в отношении к существующему контексту раскрывается в комментарии к проекту В.Ф. Кринского – небоскреба на Лубянской площади 1923 года, который занял центральное место в журнале «Известия АСНОВА». Вопросы формообразования самого объекта обсуждаются и изображаются коллажем, однако они являются второстепенными – корень аргумента заключается в роли здания как верхней точки города и как структурной единицы площади [14]. Эль Лисицкий в свою очередь сосредоточился на проблеме определения роли новых объектов в городе, что показывает его критика конкурсных проектов дома Наркомтяжпрома в Красной площади в 1934 году: «Это проекты, не имеющие никакого содержания и органически не увязанные с данным ансамблем»⁵. Новая архитектура не должна просто пренебрегать своим контекстом. Такой подход имел мало общего с урбанизмом конструктивистов, которые называли творчество

⁵ Лисицкий Э. Форум социалистической Москвы. 1934 г. [27:149–151].

АСНОВА «формализмом», что Р. Я. Хигер определял как «идеологию упадочничества в советской архитектуре» в 1-ом съезде ОСА в мае 1929 года [19].

Константин Мельников и архитектурное наследие

Константину Мельникову чуждым было доскональное и обильное теоретизирование по поводу архитектуры, которым отличались такие фигуры как Гинзбург или Ладовский; он описывает этот дискурс как поток слов, который ему меньше всех (теоретиков) того времени был понятен [4]. Кэтрин Кук отмечает, что если Мельников косвенно присоединялся к группе АСНОВА, то он это сделал не потому что был в полном согласии с их доводами, а ради политической целесообразности, чтобы не оказаться незащищенным и одиноким при нестабильной политике страны [4]. Поскольку Мельников являлся значительным архитектором рассматриваемого периода и намеренно не относился ни к одному из известных направлений советского архитектурного авангарда, следует в отдельном порядке поставить вопрос о его отношении к архитектурному наследию.

Константин Мельников в 1920-е годы «бурно строил и мало писал» [18] и хотя в 1930-е годы он больше писал, у него не было четко сформированной систематической теории. Известные афоризмы из рукописей и заметок Мельникова, такие как: «Классика и модерн – две архитектурные клячи», и в то же время: «Город – сейф Архитектурных драгоценностей – величавостью выше всех высоких гор Земли и красотой выше всех прелестей цветущих ландшафтов Природы» [18], не проясняют сути вопроса. Выяснить, каково его отношение к историко-архитектурному наследию из таких противоречащих заявлений – рискованно. Лучше посмотреть на результаты его творческого мышления – проекты и объекты. Творческий метод Мельникова – антитезис систематичности и рациональности конструктивистов. Он пишет, что суть проекта – это «жар-птица Иван-царевича» – ее трудно уловить, потому что невозможно угадать, где она появится [18]. Его работы до сих пор поражают своей оригинальностью и выразительностью формообразования, спроектированы на грани возможного, но именно это экспериментальное свойство, результат некоей «вспышки гениальности», делает его объекты чужими в городском контексте [4].

Как известно, в 1930-х годах его обвиняли в «формализме» [20]. Очень кстати оказался конкурсный проект Мельникова для Наркомтяжпрома на Красной площади – грандиозный, с косвенными ссылками на древнюю архитектуру в виде статуй-кариатид, но без ордеров. Автор заявил, что проект «может быть осуществлен без поломки ГУМа», однако Эль Лисицкий называет его «обидно» и обвиняет Мельникова в том, что это «искусство для искусства», а не проектирование в реальности контекста [27:149–151].

«Прагматические» модернисты МАО и архитектурное наследие

Четыре «прагматических» мастера, которые не присоединились к группам ОСА и АСНОВА, но внесли значительный вклад в архитектурное образование и практику периода авангарда – Г. Бархин, Б. Великовский, А. Кузнецов и А. Щусев. Они относились к существующему городскому контексту с точки зрения старшего поколения, с меньшим оттенком идеализма и с учетом богатого профессионального опыта. Щусев досоветского периода выразил свою озабоченность по поводу недостатка у специалистов в понимании значения своего архитектурного наследия и желания терпеливо и тонко заботиться о нем такой фразой: «Это зло нашего времени вообще, времени машин и фабрик»⁶. К примеру, он обращался к П.П. Покрышкину с жалобой о том, что в ходе реставрации крыши Сенатской башни Московского Кремля, в ходе чего, ее вид стал «напоминать не драгоценную искрящуюся изумрудную чешую, а, попросту говоря, офицерское сукно»⁷. Спустя десять лет Щусев проектирует мавзолей Ленина, который расположен рядом с

⁶ Щусев А.В. «О реставрации Московских кремлевских башен» [26:159–160].

⁷ Там же.

Сенатской башней. Его глубокий интерес и понимание данного существующего контекста выражается в проекте. В проекте второго временного деревянного мавзолея Ленина автор не изображает объект на белом фоне, как на чистом листе, либо показывает контур стены и Спасской башни Кремля одной тонкой линией, как сделали бы конструктивисты, а наоборот, весь контекст ярко выражен темным тоном, задумывая его как ансамбль с новым объектом.

Ленинградский авангард и архитектурное наследие

Архитектурная деятельность во второй столице пронизана духом архитектуры прошлых эпох. Вопреки мощной полемике академии в совокупности с существованием исторического городского ансамбля, «прото-функционализм» модерна и творческие поиски художников-авангардистов стали богатым основанием для архитектурного авангарда в Ленинграде, который появился в 1925 году и достиг зрелости после 1927 года [13]. Как в Москве авангардисты были членами либо группы ОСА, либо АСНОВА. При этом они усвоили полемику и перевели ее на собственный язык.

По сравнению с Московским отделением группа ОСА в Ленинграде мало реализовала своих проектов [3]. Своеобразие школы Ленинградского конструктивизма заключается в усложнении строгой функциональной программы формообразованием школ супрематизма К.С. Малевича, конструктивизма В.Е. Татлина, экспрессионизма Э. Мендельсона и других; она даже называется «супрематистским конструктивизмом» [13]. Эта яркая черта заметна в композиции фасада вышеупомянутого проекта переустройства церкви Путиловского завода в Ленинграде (арх. В.А. Косяков, 1901-1906) под клуб «Красный путиловец» представителем школы А. Никольским (1926-1927).

Ленинградские члены АСНОВА демонстрируют восприимчивость и понятие контекста не меньше своих Московских коллег. Однако любопытно как дух классицизма сказывается на их работах, например, в перспективном эскизе проекта Дом кооперации в Кировском районе авторского коллектива А.К. Барутчева, И.А. Гильтера, И.А. Меерзона и Я.О. Рубанчика (1929-1931), в котором новый объект обрамлен гигантским коринфским орденом прилегающего неоклассического здания, расположенного напротив. Архитектурное наследие учитывали в самом процессе проектирования.

Отношение провинциальных архитекторов к архитектурному наследию

Как было отмечено выше, политико-экономические факторы сильно влияли на становление и развитие всех архитектурных школ. Это особо заметно в провинции, где большинству архитекторов данного периода пришлось плавно лавировать между культурно-художественными парадигмами, но при этом стараться не терять самую суть архитектурной деятельности. Почти все отечественные авангардисты получили классическое образование – их учили проектировать «в стилях». Таких архитекторов, как Гинзбург, кто успел непоколебимо совместить роль строителя нового социалистического быта с собственными творческими поисками – мало [17]. Большая часть архитекторов, отнеслась к конструктивизму, как к одному из стилей; ведь в журналах СА обвиняли провинциальных архитекторов именно в том, что «строят будто бы в “конструктивном стиле”» [21]. А в 1930-е годы они опять спокойно перешли на позиции классики.

Влияние настоящего конструктивизма в региональных центрах было относительно слабым. Оно оказывалось посредством распространения журнала «Современная архитектура», через экскурсии специалистов в столицу или через агентства местных отделений ОСА, как в Казани, Свердловске, Томске и других городах. «Декларация объединения молодых архитекторов» ОМА Казани отражает вышеупомянутую позицию Гинзбурга о национальной архитектуре: «ОМА противопоставляет себя существующей в Казани группе архитекторов, которая под видом насаждения национальной культуры (по существу – для украшения) в своих работах (не учитывая национально-бытовых условий) протаскивает музейное наследие, воскрешая декоративные формы национальных стилей

прошлого» [21]. Громкость подобных заявлений находилась в обратно пропорциональной зависимости масштабу и влиянию этих маленьких группировок, которые существовали вопреки решающему влиянию старшего преподавательского и профессионального кадрового состава.

Позицию большинства зодчих в регионах к существующему контексту и архитектурному наследию можно определить не из трактатов или полемики, но по их реализованным работам. Эти сложные отношения: «новое – старое» и «политически – творчески», иллюстрирует архитектура Петра Щербачева в Самаре. С одной стороны, он выступал против сноса Кафедрального собора на площади Куйбышева, а с другой, был готов осуществить радикальную реконструкцию исторического здания бывшей канцелярии губернатора (ул. Фрунзе, 167), заменив «белый дом» на здание с «конструктивистской» эстетикой [15]. Цель не заключалась в уничтожении старого в принципе, а в создании цельного ансамбля на пересечении улиц Фрунзе и Шостаковича, где он одновременно реализовал два новых объекта в современном духе: административное здание Крайисполкома (1930-32) и Штаб ПриВо (1930-32) [2]. В его подходе можно заметить оттенок рационализма в создании городского ансамбля и в самой архитектуре Штаба, который сильно напоминает работы Ленинградской школы АСНОВА.

Отношение авангардистов раннего советского периода в России к историческому наследию и существующему городу нельзя назвать монохроматическим. В работе рационалистов новые объекты в принципе рассматриваются как часть существующего живого организма города, и даже в самой радикальной полемике конструктивистов неожиданно найдется подобный контекстуальный подход, в котором архитектурное наследие выступает в более активной роли. Кажущийся философский тупик «реставрация объекта-авангарда», названный как «бренность модернистской архитектуры» Неупен [1], превращается в перспективу, когда эти здания воспринимаются не просто, как отжившие экспериментальные работы, которые уже пора снести, либо как реликвии истории, которые нельзя трогать, а сложнее, как органы живого тела города [7]. Именно такой взгляд может стать одним из аргументов в пользу современной практики восстановления объектов советского архитектурного авангарда.

Литература

1. Heynen, H. *Transitoriness of Modern Architecture* / под ред. A. Cunningham. – London and New York: Routledge, 1998. – 200 с.
2. Buss, S. *View from Samara, Russia* / S. Buss // *Archit. Rev.* – 2015. – Т. CCXXXVII – № 1415 – 31с.
3. Cooke, C. *Professional Diversity and its Origins* / под ред. Dr Andreas C Papadakis. – London and New York, 1991. – 8 – 21 с.
4. Cooke, C. *Russian avant-garde theories of art, architecture and the city* / C. Cooke. – London: Academy Editions, 1995.– 208 с.
5. Glendinning, M. *The Conservation Movement: A History of Architectural Preservation : Antiquity to Modernity* / M. Glendinning. – London and New York: Routledge, 2013.– 530 с.
6. Huysen, A. *After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism* / A. Huysen. – Indiana & Bloomington: Indiana University Press, 1986.
7. Басс, С.К. Концепция «патины» в развитии теории и практики сохранения архитектурного наследия / С. К. Басс // *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: материалы 72-й юбилейной Всероссийской научно-технической*

конференции по итогам НИР 2014 года. – Самара: СГАСУ, 2015. – 199 – 205 с.

8. Веснин, А.А. Наша действительность / А. А. Веснин, М. Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1927. – № 2. – 47 – 50 с.
9. Ган, А. Что такое конструктивизм / А. Ган // Современная архитектура. – 1928. – № 3 – 79 с.
10. Гинзбург, М.Я. Новые методы архитектурного мышления / М. Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 2. – 1 – 4 с.
11. Гинзбург, М.Я. Национальная архитектура народов СССР / М. Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 5-6. – 113 – 115 с.
12. Гинзбург, М.Я. Итоги и перспективы / М. Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1927. – № 4-5. – 112 – 118 с.
13. Кириков, Б.М. Архитектура Ленинградского авангарда: путеводитель / Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц / под ред. Б.М. Кириков. – СПб. : Издательский дом «Коло», 2009. – 312 с.
14. Лисицкий, Э. Известия Ассоциации Новых Архитекторов / Э. Лисицкий, Н. А. Ладовский. – М. : ВХУТЕМАС, 1926.
15. Самогоров, В.А. Архитектура Александра и Петра Щербачевых в Самаре: В 2 кн.: Кн. II: Архитектор Петр Щербачев / Самогоров В.А., Иванов М.О. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2014. – 480 с.
16. Хан-Магомедов, С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения / С. О. Хан-Магомедов. – М: Стройиздат, 1996. – 709 с.
17. Хан-Магомедов, С.О. Мойсей Гинзбург / С. О. Хан-Магомедов. – М.: «Архитектура-С», 2007. – 135 с.
18. Хан-Магомедов, С.О. Иван Николаев / С. О. Хан-Магомедов. – М.: Фонд «Русский авангард», 2008. – 180 с.
19. Хигер, Р. Формализм: идеология упадничества в советской архитектуре / Хигер Р. // Современная архитектура. – 1929. – № 4. – 142 – 146 с.
20. Чепкунова, И. История наследия архитектора Мельникова / под ред. Г. Щусева, А. Петрова. – М.: Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева, 2015. – 15 – 19 с.
21. Жизнь ОСА // Современная архитектура. – 1928. – № 1. – 38 с.
22. Мастера советской архитектуры об архитектуре: избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: в 2 томах / под ред. М.Г. Бархин. – М.: «Искусство», 1975.

References

1. Heynen H. Transitoriness of Modern Architecture, in: Cunningham, A. Modern Movement Heritage. London and New York, 1998, 200 p.
2. Buss S. View from Samara, Russia. The Architectural Review, 2015, no. 1415, p.31.

3. Cooke C. Professional Diversity and its Origins, Architectural Design Profile. No. 93. Architectural Design. Vol. 61, 1991, pp. 8-21.
4. Cooke C. Russian avant-garde theories of art, architecture and the city. London, 1995, 208 p.
5. Glendinning M. The Conservation Movement: A History of Architectural Preservation: Antiquity to Modernity. London and New York, 2013, 530 p.
6. Huyssen A. After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism, Indiana & Bloomington, 1986, 244 p.
7. Buss S. *Kontseptsiya 'patiny' v razvitii teorii i praktiki sokhraneniya arkhitekturnogo naslediya* [The concept of 'patina' in the development of architectural conservation theory and practice. Scientific and Technical Conference]. Samara, 2015, 199-205 pp.
8. Vesnin A.A. *Nasha deystvitelnost* [Our Reality. Journal "Modern architecture"]. *Sovremennaya Arkhitektura*, 1927, no. 2, pp. 47 – 50.
9. Gan A. *Chto takoe konstruktivizm* [What is Constructivism? Journal "Modern architecture"]. 1928, no.3, p.79.
10. Ginzburg M.Ya. *Novye metody arkhitekturnogo myshleniya* [New methods of architectural thinking. Journal "Modern architecture"]. 1929, no. 2, pp. 1 – 4.
11. Ginzburg M.Ya. *Natsionalnaya arkhitektura narodov SSSR* [National architecture of the peoples of the USSR. Journal "Modern architecture"]. 1926, no. 5-6, pp. 113-115.
12. Ginzburg M.Ya. *Itogi i perspektivy* [Review and Prospects. Journal "Modern architecture"]. 1927, no.4-5, pp. 112-118.
13. Kirikov B.M. *Arkhitektura Leningradskogo avangarda: putevoditel* [A Guide to the Architecture of the Leningrad Avant-garde]. St Petersburg, 2009, 312 p.
14. Lisitskii El. *Izvestiya Assotsiatsii Novykh Arkhitektorov* [News of the Association of New Architects]. Moscow, 1926.
15. Samogorov V.A. *Arkhitektura Aleksandra i Petra Shcherbachevykh v Samare: Kn. II: Arkhitektor Petr Shcherbachev* [The Architecture of Alexander and Peter Shcherbachov in Samara: Book 2: Peter Shcherbachov, Architect]. Samara, 2014, 480 p.
16. Khan-Magomedov S.O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda: Kn. 1: Problemy formoobrazovaniya* [The Architecture of the Soviet Avant-garde: Book 1: Problems of Design]. Moscow, 1996, 709 p.
17. Khan-Magomedov S.O. *Moisei Ginzburg* [Moisei Ginzburg]. Moscow, 2007, 135 p.
18. Khan-Magomedov S.O. *Ivan Nikolaev* [Ivan Nikolaev]. Moscow, 2008, 180 p.
19. Khiger R. *Formalizm: ideologiya upadonichestva v sovetskoi arkhitekture* [Formalism: the Ideology of Decadance in Soviet Architecture. Journal "Modern architecture"]. 1929, no.4, pp. 142-146.
20. Chepkunova I. *Istoriya naslediya arkhitekatora Melnikova* [The History of the Heritage of the Architect Melnikov]. Moscow, 2015, pp. 15-19.
21. *Zhizn OSA* [The life of OSA. Journal "Modern architecture"]. 1928, no.1, p. 38.

22. Barkhin I. *Mastera sovetskoj arkhitektury ob arkhitekture: izbrannye otryvki iz pism, statei, vystuplenii i traktatov: v 2 tomakh* [Masters of Soviet Architecture on Architecture: selected extracts from letters, articles, speeches and tracts: in 2 volumes]. Moscow, 1975.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Басс Саймон Кристофер

Аспирант кафедры «Архитектура», Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Самара, Россия

e-mail: simon.buss@cantab.net

DATA ABOUT THE AUTHOR

Simon Christopher Buss MA (Cantab), MA, DipArch (Cantab), ARB

Postgraduate Student, Department of Architecture, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, Russia

e-mail: simon.buss@cantab.net